

Люйи изгнали из Восточного дворца. Эта новость, словно капля холодной воды, упавшая в раскаленное масло, не вызвала бури, но пустила скрытую рябь по, казалось бы, спокойной глади дворцовой жизни. Глаза и уши всех заинтересованных сторон принялись гадать: почему Наследный принц, всегда отличавшийся мягкостью и терпением, вдруг проявил такую решительность? Наконец-то его чаша терпения переполнилась, или же рядом появился кто-то, кто дает ему мудрые советы?

Сяо Цзинъянь прекрасно понимал, что этот поступок не останется без внимания, поэтому продолжал ссылаться на болезнь и почти не выходил из покоев. Восточный дворец был плотно заперт, пытаясь отгородиться от любопытных взглядов, отчего атмосфера внутри становилась лишь более гнетущей. Сяо Цзинъянь сидел у окна с книгой в руках, но его взгляд был прикован к сухому, изможденному деревцу сливы во дворе. Избавиться от шпиона было необходимо, но царящие в глубине дворца грязь и интриги вызывали у него лишь холод и усталость.

Сяо Линьцзы, стоявший рядом, молча поставил на стол перед Сяо Цзинъянем чашку свежесваренного чая идеальной температуры. Его глаза были опущены, на лице не дрогнул ни один мускул, словно вчерашняя безупречная чистка не имела к нему никакого отношения. Только он сам знал, что его нервы натянуты, как тетива лука, и он готов к любой реакции извне.

Как и ожидалось, после полудня Восточный дворец принял первого гостя, пришедшего «навестить больного».

Тонкий, пронзительный голос евнуха нарушил тишину:

— Его Высочество третий принц прибыл!

Взгляд Сяо Цзинъяня едва заметно дрогнул. Он обменялся с Сяо Линьцзы быстрым, понимающим взглядом. То, что должно было случиться, случилось. Он глубоко вздохнул, напустил на лицо выражение изнурения и слабости и дважды тихо кашлянул.

Занавеси колыхнулись, и в комнату неспешно вошел третий принц Сяо Цзинчжэ. Сегодня он был одет в повседневное платье цвета лунного света, которое подчеркивало его стройную фигуру. На лице играла привычная мягкая и участливая улыбка — казалось, он и впрямь пришел проведать приболевшего брата.

— Старший брат, — Сяо Цзинчжэ сложил руки в приветственном жесте, его тон звучал искренне. — Услышал, что вам нездоровится, и сердце мое не на месте. Принес вам лучший старый корень женьшеня, чтобы поддержать силы.

Следовавший за ним слуга тут же преподнес парчовую шкатулку.

— Третий брат, ты так добр, — Сяо Цзинъянь, опираясь на мягкую подушку, слабо поднял руку, а его голос звучал хрипло. — Садись, прошу. Пустяковая простуда, не стоило тебе утруждать себя визитом.

— Что вы, брат, между нами, братьями, иначе и быть не может, — Сяо Цзинчжэ грациозно опустился на стул. Его взгляд, казалось, невзначай скользнул по убранству зала и на мгновение задержался на Сяо Линьцзы, стоявшем подле принца, после чего тут же переместился дальше. Улыбка его не угасла. — Осенний ветер коварен. Вам нужно как следует отдохнуть. Если не хватает лекарств или слуги прислуживают нерадиво — не стесняйтесь, говорите. В моем поместье еще остались запасы.

Слова звучали как забота, но, если вдуматься, в них сквозил намек на скудость ресурсов и нехватку людей в Восточном дворце. Сяо Цзинъянь усмехнулся про себя, но внешне лишь благодарно кивнул:

— Благодарю за заботу, третий брат, в Восточном дворце всего хватает.

Братья обменивались ничего не значащими фразами: спрашивали о здоровье императора, обсуждали погоду. Атмосфера казалась гармоничной, но под ней бурлили скрытые течения. Сяо Линьцзы, покорно опустив голову, подливал чай — его движения были легкими и бесшумными, однако он отчетливо чувствовал, как мягкий на вид взгляд третьего принца то и дело, словно перышко, касался его, изучая и пытаясь разгадать.

После непродолжительной светской беседы Сяо Цзинчжэ слегка сменил тему, как бы невзначай обронив:

— Кстати, до меня дошли слухи, что вчера вы выгнали из дворца какую-то нерадивую служанку? Если челядь не умеет прислуживать, правильно, что выгоняете, нечего портить себе настроение. Брат, вы человек добрый и великодушный, но порой излишняя снисходительность лишь портит слуг.

Наконец-то перешел к делу. Сяо Цзинъянь поднял чашку, скрывая выражение глаз за клубами пара, и ответил ровным тоном:

— Обычная служанка, неуклюжая, вечно роняла вещи на моем столе. В Восточном дворце, может, и не так богато, как в других местах, но порядок быть должен.

Он свел все к «неуклюжести», мастерски уходя от сути.

— Вот оно что, — Сяо Цзинчжэ понимающе кивнул, кончиками пальцев потирая край чашки. — Строгость необходима. Особенно в отношении тех, кто находится рядом. Ведь во дворце много глаз, и кто знает, у кого какие помыслы — может, кто-то ищет выгоды или действует по чьей-то указке, предавая своего господина.

Он говорил медленно, но его взгляд снова, словно случайно, упал на Сяо Линьцзы, явно намекая на него.

Сердце Сяо Линьцзы пропустило удар, но лицо осталось спокойным, как гладь воды. Он не поднимал глаз, сосредоточившись на квадратных плитах пола под ногами.

Пальцы Сяо Цзинъяня, сжимавшие чашку, на миг побелели, но он тут же разжал их. Поставив чашку, он снова тихо кашлянул, изображая еще большую слабость:

— Ты прав, третий брат. Но в моем положении, кому я нужен? Живу тихо, ищу лишь покоя. Вот ты, напротив, сейчас на виду, твоя слава растет — тебе самому стоит быть осторожнее и опасаться подлецов.

Он ловко перевел тему на самого Сяо Цзинчжэ, намекая, что это он — то самое дерево, которое притягивает ветер.

Улыбка на лице Сяо Цзинчжэ на мгновение застыла, но тут же стала еще мягче:

— Брат прав, я молод и неопытен, в будущем мне еще многому придется у вас поучиться.

Он помолчал, словно внезапно что-то вспомнив, и добавил:

— Кстати, отец в последнее время проявляет большой интерес к успехам в учебе своих сыновей. Брат, хоть вы и больны, не стоит слишком забрасывать занятия. Если сил не хватает, я могу просить отца прислать во дворец нескольких ученых наставников, чтобы они по очереди читали вам лекции — заодно и развеетесь. Что скажете?

Этот ход был куда коварнее. Под предлогом заботы об учебе он хотел на законных основаниях внедрить в Восточный дворец своих людей или же получить возможность выведать обстановку изнутри.

В душе Сяо Цзинъяня забили тревожные колокола. Он уже собирался найти предлог для отказа, как вдруг заметил, что Сяо Линьцзы едва заметно покачал головой и быстро взглянул в сторону окна — туда, где обычно проходил патруль Чжао Хуайяня.

Сяо Цзинъянь мгновенно все понял. На его лице отразились усталость и извинение:

— Благодарю за доброту, брат, я ценю твоё рвение. Но болезнь моя тяжела, сил совсем нет, стоит послушать пару фраз — и голова идет кругом. Боюсь, лишь разочарую наставников и потревожу покой отца. Как только мне станет лучше, я сам обращусь к тебе за советом.

Во время этих слов дыхание его сбилось, словно каждое длинное предложение давалось с трудом.

В этот самый момент снаружи послышался четкий шаг — это Чжао Хуайянь с караулом проходил мимо для смены поста. Звук трущихся друг о друга доспехов незримо добавил Восточному дворцу строгости и величия.

Сяо Цзинчжэ бросил взгляд в сторону окна, и его улыбка немного померкла. Он был достаточно умен, чтобы понять отказ, и почувствовал ту невидимую стену, что скрывалась за кажущимся запустением Восточного дворца. Его главной целью сегодня было прощупать

почву, и он ее достиг: этот брат совсем не так слаб, как кажется. По крайней мере, рядом с ним появился человек, который помогает ему действовать решительно и отражать нападки.

Посидев еще немного и обменявшись парой дежурных фраз о необходимости беречь здоровье, он поднялся и откланялся.

Сяо Цзинъянь, все так же изображая немощь, кивнул Сяо Линьцзы:

— Проводи третьего брата.

— Слушаюсь, — ответил Сяо Линьцзы, склонившись в поклоне, и почтительно повел гостя к выходу.

У самых ворот Восточного дворца Сяо Цзинчжэ внезапно остановился и обернулся. На этот раз его взгляд был устремлен прямо на Сяо Линьцзы — в нем читалось мягкое, но внимательное изучение:

— Тебя зовут Сяо Линьцзы? Ты новый слуга принца? Похоже, он тебе сильно доверяет.

У Сяо Линьцзы все внутри похолодело, он еще ниже опустил голову, ответив почтительно и смиренно:

— Отвечаю Вашему Высочеству: я человек недалекий, Наследный принц по доброте душевной оставил меня при себе для черной работы, не заслуживаю я слова «доверие».

— О? Неужели? — Сяо Цзинчжэ тихо рассмеялся, и в этом смехе было не разобрать — доволен он или разгневан. — Раз уж остался при принце, значит, такая твоя судьба. Служи усердно, брат человек великодушный, не обидит. Если же... возникнут трудности, возможно, найдутся и другие пути решения.

В его словах скрывался намек — опасный и искушающий.

У Сяо Линьцзы по спине пробежал холодок, он согнулся еще сильнее:

— Я знаю лишь одно: служить Наследнику верой и правдой, других помыслов не имею. Благодарю за совет, Ваше Высочество.

Сяо Цзинчжэ еще некоторое время смотрел на него, словно пытаясь прочесть что-то в опущенных глазах, но в итоге лишь многозначительно улыбнулся:

— Хорошо.

Сказав это, он развернулся и ушел вместе со своей свитой.

Сяо Линьцзы стоял у ворот, пока фигура третьего принца не скрылась в конце дворцовой

аллеи. Лишь тогда он медленно выпрямился. Осенний ветер принес прохладу, но он почувствовал, как по спине течет холодный пот.

Этот третий принц был куда опаснее того высокомерного второго. Он был словно ядовитая змея, притаившаяся в тени: улыбка мягкая, слова участливые, а из раскрытой пасти капает смертельный яд.

Он быстро вернулся в зал. Сяо Цзинъянь уже сидел прямо, болезнь на его лице сменилась сосредоточенностью.

— Ваше Высочество, — прошептал Сяо Линьцзы, — третий принц...

— Я знаю, — прервал его Сяо Цзинъянь, его взгляд был острым. — Он приходил прощупать почву, а может, и оставить здесь «зацепку». — Он посмотрел на Сяо Линьцзы, и в его глазах читалась сложная гамма чувств: — Кажется, ты привлек его особое внимание.

Сердце Сяо Линьцзы упало. Это не сулило ничего хорошего. Оказаться под прицелом такого расчетливого принца означало, что опасность в будущем возрастет многократно.

В зале воцарилась тишина. Недавнее фальшивое тепло испарилось, оставив лишь тяжелое чувство надвигающейся беды. Этот «визит» третьего принца был подобен порыву ледяного ветра, предвещающего лютую стужу.

Сяо Цзинъянь снова посмотрел в окно на сухую сливу, слегка раскачивающуюся на ветру. Он прошептал, словно спрашивая Сяо Линьцзы, а может, самого себя:

— Как долго я еще смогу «болеть»?

И вопрос куда страшнее: что придет следующим?

<http://bllate.org/book/21784/2252699>